

КЛИНИКА

ФУМИЯ
ИТИХАСИ

ЧЕЛОВЕК- КРЫСА

ИСТОРИЯ МАНЬЯКА ЦУТОМУ МИЯДЗАКИ

Клиника

Фумия Итихаси

**Человек-крыса. История
маньяка Цутому Миядзаки**

«Алисторус»

2026

УДК 343.619.3
ББК 67.408.111.1

Итихаси Ф.

Человек-крыса. История маньяка Цутому Миядзаки /
Ф. Итихаси — «Алисторус», 2026 — (Клиника)

ISBN 978-5-00269-549-2

Цутому Миядзаки – один из самых жестоких маньяков Японии, получил прозвище Человек-крыса. С детства страдал от врожденного уродства, травли в школе и собственных комплексов. Родители Миядзаки посвящали себя работе и практически не общались с сыном. Две младшие сестры не любили брата, интерес к жизни и проблемам Цутому проявлял только его дед. Возможно, именно смерть бабушки в мае 1988 года способствовала началу серии жестоких убийств. Через три месяца после смерти бабушки Цутому совершил первое убийство. После того, как душегуба арестовали, его отец, который так и не смог смириться с мыслью, что его сын – серийный убийца, покончил с собой. Один из самых острых и дискуссионных вопросов, который встал перед японским обществом после ареста Миядзаки: как повлияла массовая культура – манге, аниме и жестокие хоррор-фильмы, которыми Миядзаки очень увлекался – на формирование его личности и способствовала ли она превращению тихого и замкнутого мальчика в серийного убийцу. Перед вами – книга выдающего японского криминалиста Фумия Итихаси, лично участвовавшего в поимке преступника и его разоблачении. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.619.3
ББК 67.408.111.1

ISBN 978-5-00269-549-2

© Итихаси Ф., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фумия Итихаси
Человек-крыса
История маньяка Цутому Миядзаки

© Итихаси Ф, 2026

© Землянова В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

Тайна

«Стало известно, что в префектурах Сайтама и Токио одна за другой были похищены и убиты четыре малолетние девочки. Это преступление было внесено в список особо важных дел под номером 17 Управлением общественной безопасности Национального полицейского агентства».

Эти слова господин А произнёс в январе 2001 года. Он долгие годы служил в Национальном полицейском агентстве и участвовал в расследовании множества громких дел. И вот этот многоопытный, прошедший огонь и воду сотрудник с чувством глубокой ностальгии так отозвался о «том деле»:

– В общем, то дело было сплошным шоком, и воспоминания о нём до сих пор так свежи, а лучше сказать – оно въелось в голову и не выходит. Тогда, в силу своего положения – я ведь был полицейским чиновником – я следил за состоянием здоровья императора: никто не знал, что может случиться. То дело не имело отношения к политике или идеологии, но в то время царила такая атмосфера, что оно как будто дало ощущение «смены эпохи». Может, потому что я был в самой гуще событий...

Сфабрикованное преступление?

Речь шла о деле об изнасилованиях и убийствах малолетних девочек, совершённых подрядчиком, – так называемом деле Миядзаки, которое произошло в 1988–1989 годах. В июле 1997 года подозреваемый Цутому Миядзаки – на момент совершения преступлений ему было 26 лет – помощник в типографии из города Ицукаити уезда Ниситама (ныне город Акируно), был арестован. В апреле 1997 года окружной суд Токио приговорил его к смертной казни. Сторона защиты подала апелляцию, и 28 июня 2001 года ожидалось вынесение решения в Токийском высшем суде.

Если судить по двадцатилетнему опыту освещения преступлений, обычное дело, когда преступник пойман и обвинён, считается «завершённым». Бывают случаи, когда после ареста подозреваемый полностью отрицает вину или хранит абсолютное молчание, а на суде отказывается от показаний, данных в полиции, и заявляет о своей невиновности. Но в Японии в 99 процентах дел, переданных прокуратурой в суд, выносятся обвинительные приговоры. Защита также не оспаривает фактические обстоятельства, и хотя ведутся споры о вменяемости на основе психиатрической экспертизы, с точки зрения криминального репортажа это дело уже можно было бы назвать завершённым.

Однако оно до сих пор оставляет вопрос: почему же подсудимый Миядзаки убил четырёх девочек? В поисках ответа я продолжал свои репортажи, надеясь получить подсказки, ведущие к истине. Более десяти лет я навещал господина А, но тот до сих пор отказывался что-либо рассказывать об этом деле. И вот наконец он открыл рот – и из него вырвались неожиданные слова.

– Этот мужчина по фамилии Миядзаки как преступник отнюдь не был каким-то особенным человеком. К тому же я совсем не чувствовал того своеобразного «запаха», который бывает у серийных убийц. Не знаю, как он выглядит сейчас, но по крайней мере на момент ареста он был всего лишь одним из тех обычных молодых людей, которых полно везде: одиноких, не умеющих общаться с людьми. То дело было самым обычным преступлением, совершённым самым обычным человеком...

Дело Миядзаки началось 22 августа 1988 года, когда Мари Конно (четыре года), дочь президента компании по проектированию оборудования Сигэюки Конно (47 лет) из города Ирума префектуры Сайтама, сказала: «Пойду играть к подружке», вышла из дома и пропала. Примерно через полтора месяца, 3 октября, пропала Эрика Ёсидзава (четыре года), старшая дочь водителя Коити Ёсидзавы (45 лет) из города Ханно той же префектуры.

15 декабря в русле реки Ёкодзэ в деревне Нагури, примерно в двух километрах к северо-западу от города Ханно, были найдены одежда и другие вещи девочки. Около ста сотрудников полиции Ханно обыскали окрестности. К юго-востоку от префектурального лагеря молодёжи «Нагури» были обнаружены новые улики. Полиция префектуры Сайтама развернула масштабные поиски, усилила патрулирование для предотвращения повторных преступлений и, рассматривая возможность серийных похищений и убийств девочек, провела широкомасштабное расследование силами всей префектуральной полиции. Однако преступник, словно насмехаясь над полицейскими властями, бросил им «вызов».

6 февраля следующего года у входа в дом Конно появилась подозрительная картонная коробка. В ней находились тщательно измельчённые обгоревшие кости и несколько цветных фотографий... на которых были изображены розовые короткие штанишки. По логотипу теннисной ракетки на них установили, что это те самые штанишки, которые Мари-тян носила в день исчезновения. В коробке также лежал лист бумаги формата В5 с напечатанными иероглифами: «сожжено, доказательства, экспертиза»...

В феврале, словно в противовес этим находкам, на имя некой «Юко Имады» были отправлены письма с заявлением о преступлении, а также моментальные фотографии Мари-тян – в дом Конно и в главную редакцию газеты «Асахи симбун». В марте туда же пришли новые письма от лица «бездетной женщины», где преступление излагалось в стиле рассказа. Национальное полицейское агентство, потрясённое содержанием заявлений и признаний, а также опасаясь расширения и ожесточения преступлений, приказало создать следственный штаб и в полиции Токио для совместного расследования с полицией префектуры Сайтама. К несчастью, эти опасения вскоре оправдались.

Девочку нашли обнажённым трупом – это была Аяко-тян. Средства массовой информации развернули ожесточённую борьбу за освещение этого серийного дела с элементами жестокости. Психиатры, социальные критики и прочие специалисты ежедневно появлялись в дневных телешоу, рисуя самые разные портреты преступника. На улицах только об этом и говорили.

Ожидали, что преступник – это «безумный и обладающий мрачной харизмой мужчина средних лет» в духе Энтони Хопкинса. Но каково же было удивление, когда настоящий убийца оказался 26-летним молодым человеком, да ещё и пойманным самым неожиданным образом.

23 июля в городе Хатиодзи мужчина, фотографировавший обнажённой первоклассницу (шесть лет), был замечен отцом девочки. Прибывшая по вызову полиция задержала его с поличным по подозрению в принуждении к непристойным действиям. 7 августа окружная прокуратура Токио (филиал в Хатиодзи) предъявила подсудимому Миядзаки обвинение в похищении с целью непристойных действий и принуждении к ним. А два дня спустя... этим мужчиной оказался именно он. Миядзаки сознался в убийстве Аяко-тян, и на следующий день, 10 августа, согласно его показаниям, в горах Окутама был найден её череп.

Первоначально его перевели в участок Фукагава, где располагался штаб по расследованию дела Мари-тян. После интенсивного допроса 13 и 14 числа он подал начальнику участка письменное признание, в котором подтвердил убийство Мари-тян и Эрики-тян. 5 сентября он также дал показания об убийстве Масами-тян, а на следующий день полиция префектуры Сайтама обнаружила в лесу города Ицукаити кости рук и ног Мари-тян.

Окружная прокуратура Токио, исходя из признания Миядзаки о том, что он «совершил преступления для удовлетворения своих сексуальных желаний», а также из изъятых в его комнате видеокассет с изображением тел убитых девочек, 24 августа получила заключение

назначенного психиатра о том, что «способность к вменяемости была сохранена». После этого прокуратура предъявила обвинение в похищении несовершеннолетних, убийстве, сокрытии и расчленении трупов.

Что же в этом деле такого «обычного преступления»? Человек, который похитил четырёх ни в чём не повинных малолетних девочек, убил их в тот же день и расчленил тела, вряд ли может быть «заурядным обывателем». Прежде всего, разве сторона обвинения в заключительной речи не признала, что действия подсудимого Миядзаки были – даже без слов защиты – аномальными и прискорбными?

Но господин А сказал следующее:

– Конечно, то, что сделал Миядзаки, само по себе аномально. Однако нельзя отрицать, что из-за чрезмерного освещения в СМИ общественная истерия раздула образ «аномала Миядзаки» до размеров, превышающих реальность. Дело начало жить своей собственной жизнью, и, поскольку защита настаивала на совершении преступлений в силу психического расстройства, накал только возрастал. Но что, если этот всплеск не был естественным? Причина, по которой я никак не могу забыть то дело, на самом деле в том, что и преступления Миядзаки, и его собственный образ были всего лишь «сфабрикованы», то есть были не более чем иллюзией.

Полиция отрабатывала версию убийства ради страховки.

Окружная прокуратура Токио пришла к выводу, что Миядзаки совершал преступления с целью удовлетворить сексуальное желание: видеть обнажённое женское тело и манипулировать с половыми органами. Из-за физического недостатка – деформации кистей – он не мог заговаривать со взрослыми женщинами и использовать их для удовлетворения своих желаний. В качестве компенсации он нацелился на чистых и незащищённых девочек, а похитив их, убивал, потому что, если бы они вернулись живыми, его преступление раскрылось бы. Такова была выстроенная обвинением схема.

Эта логика хорошо видна из вступительных заявлений и заключительных речей прокуратуры в суде. На первом заседании 30 марта 1990 года в заявлении, представленном в Окружной суд Токио, сначала описывались личность подсудимого Миядзаки и то, что с раннего детства у него не было контакта с отцом; он запирался в своей комнате и читал комиксы. Он стыдился себя, со времен средней школы увлёкся видеозаписью телепередач и коллекционированием. Крайне не терпел контроля и вмешательства со стороны родителей, мыслил только эгоцентрично, а при несоответствии своей воле проявлял агрессию.

Далее в обвинительном заключении описывалось его повседневное поведение:

«Из-за врождённого физического недостатка он испытывал сильный комплекс неполноценности, избегал общения с женщинами, но при этом его интерес к ним был чрезвычайно силен. Начиная с учёбы в колледже он не мог сдерживать желание видеть женское тело и половые органы: фотографировал женщин в теннисной форме с виднеющимися трусиками или обнажённых девочек во время купания во дворе, а затем удовлетворял себя, глядя на эти снимки».

Так было охарактеризовано, что преступления стали следствием такого искажения характера и низменных вожделений. Эта позиция обвинения оставалась неизменной на протяжении всего процесса – включая заключительную речь и требование наказания 7 июля 1996 года, почти через шесть с половиной лет.

«В качестве компенсации за взрослых женщин он использовал малолетних девочек, не умеющих подозревать и неспособных сопротивляться, как средство выхода сексуальных желаний, – говорилось в обвинении. – Подчиняясь половому влечению, он повторял крайне подлые преступления, не заслуживающие снисхождения». «Он не только совершал убийства без колебаний и жалости, но и подвергал тела надругательствам, причиняя страдания семьям погибших». «Это чудовищное тяжкое преступление, не имеющее аналогов в истории криминала

нашей страны, попирающее человеческое достоинство и вызвавшее глубокую социальную тревогу».

Неужели господин А, упомянутый в начале, хочет сказать, что эта позиция обвинения, а значит, и результаты полицейского расследования, на которых она основана, – фальшивка? Разумеется, я не собираюсь утверждать, что дело Миядзаки было сфабриковано. Однако в силу некоторых обстоятельств нужно было любой ценой выиграть время для выяснения истины. Для этого следовало упростить дело внешне, превратить его в «понятное», и для того были предприняты различные меры.

Если задуматься, приведённая выше позиция обвинения действительно легко усваивается и способна усилить гнев обычных граждан, особенно родителей, у которых есть дети того же возраста, что и жертвы. Но это вытекает из самого анализа преступлений Миядзаки и вряд ли является результатом «стратегии, продуманной с большим усердием». Что же задумали и как действовали полицейские во главе с А? Чтобы найти ответ, сначала разберёмся с теми самыми «некоторыми обстоятельствами», о которых он говорит.

Первое, что приходит на ум как обстоятельство, требующее от полицейского начальства отчаянной выработки стратегии... Изучая огромные объёмы материалов по делу Миядзаки, видно, что полиция префектуры Сайтама и столичная полиция проводили тотальный поквартирный опрос вокруг мест похищений, устанавливали маршруты жертв, собирали показания очевидцев о подозрительных лицах, выявляли прохожих и проезжавшие или стоявшие машины в часы совершения преступлений. В ходе этих следственных действий были получены свидетельские показания, практически совпадающие с приметами Миядзаки и его одеждой в день преступления, и даже составлен фоторобот подозрительного человека.

Вот тот самый фоторобот. Однако, поскольку большинство свидетелей были детьми, а их показания были примерно такого уровня: «шёл рядом с потерпевшей», он получился почти «безликим» и не позволил идентифицировать подсудимого Миядзаки. Кроме того, следственные органы провели широкий спектр мероприятий: от изучения картонной коробки с фрагментами костей, отправленной в дом Мари Конно, до проверки лиц с сексуальными преступлениями в прошлом и агентурной работы среди любителей порнографии для педофилов.

Можно сказать, что в начале расследования было мало следователей, которые считали все четыре преступления делом одного и того же лица. Участки Саяма, Ханно, Кавагоэ и другие в полиции Сайтамы, а также участок Фукагава и районные участки в Токио действовали разрозненно, и было бы ложью утверждать, что недостаток горизонтальных связей между участками не сказался на ситуации. Но в случае похищений без требования выкупа мотивы могут быть самыми разными: от того, что «ребёнок такой милый, что его хотелось потискать», до ссор со знакомыми или мести родителям. К тому же чтобы понять, не заблудился ли ребёнок, не пропал сам или не попал в аварию, нужно время. В каком-то смысле это неизбежно, – так сказал ветеран из столичной полиции. – Хотя нас и не ввели в заблуждение письма с признаниями от имени Юко Имады, но похищения были совершены быстро и искусно...

Было установлено, что на телах не было следов надругательства, поэтому действительно существовало сильное мнение, что преступник, возможно, женщина. Не было ни следов насильственного затаскивания в машину, ни свидетельских показаний об этом. Как ни мал ребёнок, но если к нему обратится мужчина, вряд ли он сразу же согласится, думаю... Если меня критикуют за излишнюю предвзятость, я готов это принять.

В деле Миядзаки точно много времени ушло на отработку окружения жертв, – продолжал ветеран. – Из уважения к чести жертв и их семей не могу говорить подробно, но у некоторых жертв или их братьев и сестёр были склонность к бродяжничеству или проблемы с поведением, к тому же не обошлось без семейных раздоров и проблем с окружающими. Поэтому отрабатывали версию убийства ради страховки, допрашивали людей из окружения жертв день за днём, и это действительно было.

На самом деле одного из родственников жертвы допрашивали в полиции каждый день с самого начала происшествия; его поведение долгое время отслеживали детективы, и даже после ареста Миядзаки ему сказали: «Считайте, что ваше дело – отдельное», и слежка ещё некоторое время продолжалась. Я понимаю, что расследование такого рода преступлений сложно, и надо воздержаться от голословных упрёков, не зная всех тягот работы на местах. Однако недостатки в системе широкомасштабного расследования полицейских властей – а именно то, что горизонтальные связи между участками были хуже некуда, а также снижение качества следователей – я уже указывал в своей книге...

В репортажах о преступлениях часто используют такие выражения: «полиция ведёт расследование силами сотен человек» или «задействовано десятки тысяч сотрудников». В деле Миядзаки участок Саяма по делу Мари-тян сформировал следственную группу из 150 человек, а участок Фукагава по делу Эрики-тян работал в составе 195 человек. Это только первоначальные цифры; согласно отчёту Национального полицейского агентства, в итоге было задействовано около 168 тысяч сотрудников, расследование длилось 1257 дней, было мобилизовано в общей сложности 303 тысячи полицейских.

Однако профессиональных сыщиков-детективов не может быть так много. В реальности большую часть этих цифр составляют патрульные и дорожные полицейские. Они часто участвуют в расследовании, параллельно выполняя свои обычные обязанности, поэтому трудно сказать, что они проводят полноценное расследование. Например, в деле «Глико – Морианага» во время нескольких операций дорожные полицейские обходили квартиры, спрашивали о белых машинах и пишущих машинках, использовавшихся при преступлениях, и если жилец отвечал «нет», они просто записывали это и уходили. Такие случаи сообщались, что высветило проблему «обюрокрачивания» следователей. Сколько бы ни хвастались количеством, это не имеет смысла, и неудивительно, что расследование проводилось спустя рукава.

Кроме того, как и в деле «Глико – Морианага», нетрудно предположить, что между полицией префектуры Сайтама и столичной полицией существовало острое соперничество и территориальный инстинкт. Это видно хотя бы из того, что после того, как Миядзаки случайно задержали сотрудники участка Хатиодзи (столичная полиция), следователи из Сайтамы, которых обошли, «топали ногами от досады, говоря, что «лакомый кусок ушёл в Токио, и все наши труды пошли прахом» (по словам руководителя полиции префектуры).

Фактически полиция префектуры Сайтама получила подозреваемого Миядзаки только через полтора месяца после ареста, 8 сентября, и к тому моменту Миядзаки уже в основном признался в преступлениях. Также при обыске его дома, за исключением оргтехники, была найдена только одна моментальная фотокамера. Разумеется, это не значит, что полиция Сайтамы и столичная полиция бездельничали. Они составляли списки лиц с сексуальными преступлениями в прошлом и проблемным поведением, задержали по подозрению в принуждении к непристойным действиям более ста человек и допрашивали их.

Нагляднее всего демонстрирует ситуацию сама история ареста Миядзаки. Его задержание было «случайным», потому что в деле Хатиодзи его случайно заметил отец потерпевшей, на него обрушился гневный кулак, его как следует отчитали... Иными словами, арест был случайным. Другими словами, дело было раскрыто только потому, что Миядзаки после ареста признался в серии преступлений; невозможно говорить о «стратегии, продуманной с большим усердием полицейскими чиновниками», как выразился господин А.

Давайте кратко вспомним обстоятельства ареста. Полиция прибыла на место через тридцать минут после вызова, и это была всего одна мини-патрульная машина из ближайшего полицейского участка. Позже из участка Хатиодзи за Миядзаки приехала патрульная машина. Даже после того, как его доставили в участок Хатиодзи, «проводили допрос просто как в отношении извращенца, и поэтому, учитывая просьбу отца, беспокоящегося о будущем дочери, не сообщали об аресте преступника в СМИ» (по словам бывшего сотрудника участка Хатиодзи). Это

подтверждается и показаниями отца потерпевшей и заявителей: «Допрашивавший детектив был расслаблен, по крайней мере, не чувствовалось той напряжённости, которая бывает при расследовании крупного преступления».

Кроме того, отец Миядзаки на следующий день после ареста, 24 июля, позвонил в участок Ицукаити и спросил: «Нельзя ли мне выйти, чтобы сделать тестовые снимки на новую камеру?» Поскольку звонил местный известный человек, занимавший многие важные посты и знакомый с начальником участка, в участке должным образом провели проверку и ответили: «Хотя он содержится в участке Хатиодзи, дело не кажется серьёзным, скоро, наверное, сможет вернуться». Отец сказал: «Для его же блага прошу вас как следует его проучить», – сам не пошёл на свидание с сыном и запретил семье его навещать. Так что это действительно был «случайный арест».

Небольшое отступление: позже, когда Миядзаки признался в серии преступлений, отец, несмотря на просьбу сына нанять частного адвоката вместо государственного, не стал слушать эту просьбу, сказав: «Не нужен ему адвокат для самозащиты». В интервью газете «Токё симбун» от 22 августа 1989 года отец объяснил свои чувства так: «Было бы стыдно перед семьями жертв, если бы его сочли не проявляющим искренности, а пытающимся защитить себя». Некоторые газеты представили это так: «Отец сделал тяжёлый выбор, но его родительская любовь не дошла до Миядзаки», – словно это был «пример прекрасной семейной любви и японских добродетелей». Однако этот выбор – когда отец, которому поначалу сказали, что дело несерьёзное, из желания проучить сына и из гнева за то, что тот опозорил семью, решил: «Не нужно нанимать адвоката для его же наказания»...

Государственный защитник – это положение, закреплённое в статье 37-3 Конституции: «Обвиняемый в любом случае может поручить защиту квалифицированному адвокату». Суть в том, что по статье 36 Уголовно-процессуального кодекса, если обвиняемый не может нанять адвоката по бедности или другим причинам, суд по его ходатайству назначает защитника, и расходы берёт на себя государство. Если бы отец Миядзаки, известный состоятельный человек, действительно раскаялся и считал поступок сына непростительным, он должен был не назначать государственного защитника, чтобы «проучить» сына, а пустить все свои средства, включая адвокатские гонорары, и в первую очередь думать о возмещении ущерба потерпевшим. Уверен, что это оказало немалое влияние, но подробности позже.

Здесь надо упомянуть ещё кое-что. Глава уголовного департамента полиции префектуры Сайтама Киёси Томокава (на тот момент) после того, как Миядзаки сознался в преступлениях, заявил: «Миядзаки уже был в наших сетях». Во-первых, это заявление вызывает большие сомнения, потому что сколько ни проверяй огромные материалы расследования, нет никаких следов того, что фигура Миядзаки всплывала. То есть глава департамента солгал. Однако, если уж очень постараться, есть один результат расследования, который можно считать основанием для его слов.

Речь идёт о картонном ящике, отправленном в дом Мари-тян. Этот ящик имел размеры 36 см в длину, 28 см в ширину и 16 см в глубину, был сделан из двойного толстого материала (так называемый дабл). К задней крышке была приклеена липкая лента, сверху были следы оторванной накладной, но ящик был однотонным, без марки производителя, поэтому установить изготовителя и продавца не удалось. Однако выяснилось, что производство двойных картонных ящиков составляет всего 14 % от общего объёма, а однотонные ящики почти не поступают в продажу. В процессе проверки компаний, использовавших похожий материал на ящик, отправленный в дом Мари-тян, среди покупателей всплыла одна компания точного машиностроения в городе Кавагоэ. Выяснилось, что двое сыновей её президента использовали такие же ящики в личных целях – вкладывали видеокассеты и рассылали друзьям по видеосообществу, и одним из этих друзей оказался подсудимый Миядзаки.

Следователи полиции Сайтамы пришли с опросом в эту компанию в начале июня 1989 года, за два месяца до ареста Миядзаки, – видимо, отсюда и возникло вышеупомянутое заявление главы департамента. Однако эти сыновья не общались с Миядзаки уже более полу-года и не помнили его имени. К тому же они за месяц до этого потеряли записную книжку с контактами, так что до подсудимого Миядзаки так и не добрались. Это может быть полезно для проверочных мероприятий после ареста, но не даёт оснований говорить, что он «уже был в сетях расследования». Более того, можно сказать, что если бы власти раньше начали публичное расследование через картонные ящики, то могли бы наткнуться на этих сыновей... это факт, который едва ли можно отрицать.

Вернёмся к теме. СМИ узнали о существовании Миядзаки 10 августа 1989 года, на следующий день после того, как он сознался в убийстве Аяко-тян, и уже днём они наводнили его дом. Отец категорически отрицал: «Мой сын не способен на такое», но не смог отказать прессе, которая просила показать его комнату, и открыл её. Необычный вид комнаты, где навалены кучи видеокассет, книг и комиксов, а окна заклеены, шокировал людей, и многие, наверное, помнят это до сих пор.

Обыск в доме Миядзаки по делу Аяко-тян полиция провела 11 августа, то есть накануне СМИ уже растоптали его комнату. Это никак не вяжется с «продуманной с большим усердием стратегией», о которой говорит господин А; скорее, полицию можно упрекнуть в халатности и просчётах.

– Действительно, Миядзаки как подозреваемый на линию расследования не выходил, и нельзя отрицать, что его арест вызвал панику в следственном штабе. Но именно поэтому и потребовалась наша стратегия, и я до сих пор горжусь тем, что наши меры были быстрыми и точными.

Что касается того, что комнату сняли СМИ, господин А сказал: «Мы это предусмотрели». 24 июля, на следующий день после ареста, мы направили в участок Хатиодзи следователей, которые занимались этим делом, чтобы они участвовали в допросах и обыске дома Миядзаки. В результате стало ясно, что он причастен к серийным похищениям и убийствам девочек. Было мнение, что нужно сказать ему: «Ты ведь Миядзаки, не так ли?», – отчего он побледнел бы, и быстро добиться признания. Но, посоветовавшись со столичной полицией и полицией Сайтамы, мы решили сначала сосредоточиться на возбуждении дела по факту принуждения к непристойным действиям в Хатиодзи, а затем перевести его в участок Фукагава и спокойно расследовать это основное дело.

Этот рассказ А подтверждается и следственным отчётом Национального полицейского агентства «Обзор расследования по особо важному делу № 17» от марта 1992 года: «Получив сообщение об этом деле, 25 июля направили сотрудников специального штаба в тот же участок Хатиодзи для участия в обыске дома подозреваемого и всестороннего анализа. В результате: дома были найдены фотографии с детской порнографией; в багажнике и под водительским сиденьем автомобиля подозреваемого (Langley) обнаружена люминол-положительная реакция на коврике и полипропиленовой ленте – поскольку подозрение подтвердилось, было решено проводить дознание в рамках содержания под стражей по делу Хатиодзи».

«После того как те фотографии появились в газетах и журналах, компетентные журналисты, юристы и даже некоторые полицейские, не знавшие обстоятельств, резко критиковали: «Разве обыск в участке Хатиодзи не был поверхностным? Если бы провели нормальный обыск, нашли бы ключи к пониманию аномальности Миядзаки и его истинных мотивов. А допускать СМИ в комнату – просто возмутительно». Однако мы сознательно не проводили масштабный обыск в рамках стратегии спокойного расследования, но делали необходимое. К тому же, пока более двадцати СМИ наводнили комнату Миядзаки, наши сотрудники тайно водили его в горы Окутама, разрабатывали план для гладкого проведения следственных действий, собирали материалы, готовили почву, обхаживая разные стороны».

Более того, по словам А, когда Миядзаки предъявили следы крови, найденные в его машине, это окончательно подтолкнуло его к признанию, так что расследование достигло своих целей. Нужно же услышать, что это за «стратегия».

Трюк с фотографией «крепости из видеокассет»

– В общем, из-за «некоторых обстоятельств» дело грозило стать запутанным, а на момент ареста вещественных доказательств было мало, показания – нечёткие, поэтому нужно было выиграть время для допросов и расследования. Для этого требовалось вовлечь СМИ и общественное мнение, заставить всех думать: «Миядзаки – отвратительный тип. Его жестокие преступления непростительны». Как я уже говорил, у детей и их семей были свои проблемы, и помимо общего сочувствия в СМИ наблюдался интерес к этим нюансам. Поэтому мы сознательно распространяли эпизоды, вызывающие больше сострадания к жертвам и их семьям, и разжигали ненависть к преступнику. Взять, к примеру, ту фотографию, где девочка кокетливо позирует перед камерой. Увидев это, каждый подумал: «Как можно было погубить такого милого ребёнка – какой жестокий человек!» Вряд ли такое удобное фото случайно оказалось у всех СМИ.

Особенно после ареста Миядзаки, когда с мест сообщали: «Поведение подозреваемого на допросах странное», мы назначили следователя не сурового типа, а мягкого, умеющего подстраиваться под темп подозреваемого. Ему дали указание в первую очередь строить доверительные отношения с подозреваемым, а остальным следователям велели осторожно и тщательно проверять показания Миядзаки. Одновременно с этим, для создания образа жестокого и бессердечного преступника, обсуждались способы распространения фотографий Миядзаки. Воздействовали на нужных людей и договорились, что когда поступит запрос от СМИ, передадут его фотографию времён старшей школы. После долгого томления выдали его нынешнюю, бледную, с сальной ухмылкой, типично «отаку» фотографию. Люди, видя эти два снимка на соседних страницах, должны были подумать: «Вот же мерзавец». Прошу читателей самим внимательно посмотреть эти фотографии. Действительно, если показать такие снимки один за другим, неудивительно, что появятся родители, которые, вспоминая лица своих детей и их друзей, начнут волноваться и не смогут спать.

– И наконец – фотографии комнаты Миядзаки.

Были уверены в его аномальности и по обстановке комнаты чувствовали нечто ненормальное, поэтому ненавязчиво советовали: «Обыщите дома». Конечно, это так. Кроме того, большое значение имело то, что мы уговорили отца и искусно спровоцировали его, и он на это повёлся. Разумеется, мы предупредили отца, чтобы СМИ чрезмерно не топтали комнату, и тайно поставили наблюдение. СМИ снимали «опасную комнату» даже больше, чем мы ожидали, а общественность была шокирована и разгневана...

Фото Цутому Миядзаки после ареста и фото времён старшей школы. В странной эйфории «наступила новая эпоха»; социологи заявляли, что «преступления – это зеркало, отражающее тёмные стороны общества». Правые группировки на первом же заседании в Токио громко кричали: «Ни за что не простим. Хотим высшей меры трижды или четырежды». В момент ареста Миядзаки министр юстиции Масао Гото заявил: «Это жестокое событие, которое не утолить даже смертной казнью». Есть такое понятие, как «стратегия»... Если эти показания правдивы, то...

«Мы не будем самонадеянно говорить, что учитывали смену эпох. Но через повседневные контакты мы хорошо изучили образ мыслей руководства СМИ, особенно редакторов и заведующих отделами, которые руководят процессом. То есть мы прекрасно знали, что многие из них чувствительны к новому, любят всё новое и склонны отдавать предпочтение „понятным делам“, соответствующим их собственному ощущению времени. Они терпеть не могут таких,

как Миядзаки, и ни за что не прощают. Что же будет, если показать им, помимо невинных лиц девочек, фотографии той странной комнаты? Репортёры сами сорвутся с места и начнут раздувать опасные образы: видеоманьяк, лоликон, сексуальный извращенец, отаку – и их перья будут всё острее. Это, наверное, каждый мог предвидеть».

«Этот анализ СМИ и меры проводились детально по категориям: редакторы, репортёры, фотографы, по возрасту. Например, что касается заведующих отделами: по их возрасту это прежде всего Фрейд, а также классические фильмы, театр, романы. Увидев комнату Миядзаки, они наверняка первым делом вспомнили фразу “желание возврата в материнскую утробу”. А сюжет о человеке, который бежит в вымышленный мир, а потом теряет грань между вымыслом и реальностью и становится извращенцем – это знакомая тема, многократно использованная в кино и литературе. Какой же понятный образ преступника, какая классическая история! Но никто не сомневается в этой понятности. Именно поэтому она так важна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.